

Д. А. Бажанов

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ: КОНТАКТЫ ДЕПУТАТОВ СЕЙМА ФИНЛЯНДИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВКГД В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В отечественной и зарубежной историографии вопрос о политическом будущем Финляндии в контексте революционных событий поднимался неоднократно. В то же время в 1920 — начале 1960-х гг. эта проблема рассматривалась исключительно с позиции развития революционных событий в России¹. Как более или менее самостоятельный процесс ситуацию в Финляндии стали рассматривать в 1960–1970-е гг.²

Вторая половина 80-х гг. дала всплеск интереса исследователей к проблемам, посвященным национальной политике императорской России и отдельным ее направлениям в отношении Финляндии и финнов, который не исчез и сегодня³. В 1990-е гг. работа ученых по изучению положения Финляндии в революционный период истории России продолжилась⁴. В то же время обстоятельства принципов выстраивания взаимоотношений между Временным правительством и представителями финляндской политической элиты оставались в тени.

Главным отличием зарубежной историографии является восприятие общественно-политического положения Финляндии в 1917 г. в качестве самостоятельной проблемы. Однако основной акцент делается на рассмотрении аспектов политического противостояния органов власти Финляндии и русских центральных и местных властей⁵, либо на обстоятельствах признания суверенитета Финляндии Советским правительством⁶. Еще одним подходом исследований является институциональная история, рассматривающая становление и эволюцию политических институтов Финляндии в рассматриваемый период⁷.

В работах последних лет историки стали обращать некоторое внимание на положение дел в Финляндии в дни Февральской революции. Так, И. Н. Новикова в своих работах, посвященных борьбе за влияние на финляндское общество между Германией и Россией, отметила важность для

судеб Финляндии позиции представителей русских гражданских и военных властей в Петрограде и Гельсингфорсе в февральско-мартовские дни, что привело к ликвидации прежней администрации. Однако действия другой стороны она рассматривала лишь в рамках переговоров с командующим Балтийским флотом вице-адмиралом А. И. Непениным 3 марта и затем через публикацию 7 марта Конституционного акта. В то же время она отметила дату отъезда делегации финляндских депутатов в Петроград⁸. Как шаг в выстраивании отношений с революционными властями в России этот визит оценен и в новейших работах⁹. Упомянул об этой поездке и Л. В. Власов, почему-то сделав акцент на встрече ее представителей с депутатами Петроградского совета¹⁰. Обстоятельства ареста Ф. А. Зейна и М. М. Боровитинова, а также контактов А. И. Непенина по этому поводу 2–3 марта с ВКГД попали в поле зрения профессора А. В. Смолина¹¹. Для него они, впрочем, представляли интерес как контекст деятельности командующего флотом в решающие революционные дни. Положение дел в Петрограде, в том числе и обстоятельства захвата статс-секретариата Великого княжества Финляндского, а также первые шаги назначенного Временным комитетом Государственной думы комиссаром Ф. И. Родичева, затронул в своем фундаментальном исследовании А. Б. Николаев¹². Однако, поскольку его интересовала в первую очередь деятельность ВКГД, то дальнейшая деятельность Ф. И. Родичева в Гельсингфорсе, позиция его товарища Д. Д. Протопопова остались неохваченными. Таким образом, основным выводом можно считать идею о процессе суверенизации Великого княжества, начатой по инициативе Временного правительства в конце первой декады марта. В то же время обнаруженные нами упоминания представляют картину иначе.

Революционные события в Петрограде оставались до 26 февраля 1917 г. практически неизвестными русским военным и гражданским властям в Финляндии. На эту мысль наводят, прежде всего, их действия в последние дни февраля. Так, командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин получил первое тревожное сообщение из столицы в 4 часа 50 мин. утра 26 февраля. В телеграмме из Морского генерального штаба (МГШ) за подписью капитана I ранга графа А. П. Капниста, ссылаясь на приказ командующего Петроградским военным округом генерал-лейтенанта С. С. Хабалова, содержался запрет на увольнение нижних чинов морских команд. О серьезности положения свидетельствовало дополнение: «Увольнение же по необходимым служебным делам ограничить до минимума»¹³. В то же время никакой информации о причинах распоряжения, о положении дел в столице не сообщалось. Полковник Д. Л. Казанцев, служивший старшим цензором Финляндской военной цензуры, отметил, что вечером 26 февраля «оборвалась связь

Петроградом по имперскому телефону, которым могли пользоваться исключительно военные власти»¹⁴.

О том, насколько слабо были информированы в Гельсингфорсе, свидетельствуют и еще два обстоятельства. Во-первых, 27 февраля в Петроград отправился начальник 2-й бригады контр-адмирал А. К. Небольсин, причем, по словам Д. Л. Казанцева, «для ориентации его [А. И. Непенина. — Д. Б.] в происходящем там»¹⁵. Во-вторых, 1 марта по приказанию командующего были допрошены моряки, вернувшиеся из столицы 27–28 февраля. Материалы их рассказов позволяют сделать вывод, что основной причиной стало желание понять особенности обстановки, роль личностей в событиях¹⁶.

27 февраля генерал-губернатор Финляндии получил извещение из столицы о взятии под контроль восставшими Финляндского вокзала. Далее генерал-лейтенант Ф. А. Зейн сообщал командующему флотом: «Мною предложено главному директору Финляндских казенных железных дорог и начальнику Жандармского полицейского управления этих дорог принять все зависящие меры к поддержанию на дороге порядка и непрерывного движения с доведением поездов возможно ближе к Петрограду. Равным образом предлагаю губернаторам всеми имеющимися в их распоряжении средствами не допустить, чтобы беспорядки перекинулись в пределы края, а в случае возникновения таковых пресекать их в самом начале, безотлагательно задерживать агитаторов и зачинщиков и вообще действовать энергично и решительно, при недостаточности же полицейских средств обращаться, на точном основании закона, к содействию войск»¹⁷. Однако около 20 часов вечера того же дня в штабе была принята телефонограмма от помощника коменданта станции «Гельсингфорс» подпоручика И. Фиверского, в которой сообщалось, что «поезда, идущие в Петроград, будут доходить только до Белоострова впредь до особого распоряжения»¹⁸. Д. Л. Казанцев в своих воспоминаниях указывал, что на решение генерал-губернатора «изолировать край от заразы» повлиял начальник Финляндского жандармского управления генерал-майор А. М. Еремин¹⁹.

Тем временем в Петрограде без вооруженного сопротивления было занято здание статс-секретариата Великого княжества, расположенного на Екатерининском пр., д. 39. По поручению Временного комитета Государственной думы 1 марта туда направился комиссаром Ф. И. Родичев, привлечший депутатов И. М. Рамота и Д. Д. Протопопова²⁰. Сам Ф. И. Родичев был весьма лаконичен в своих воспоминаниях, отметив только, что «делопроизводитель встретил меня как ни в чем не бывало и сразу стал докладывать о текущих делах»²¹. Поначалу особенной активности в принятии решений думские представители не проявили. Однако 2 мар-

та ситуация изменилась. Прежде всего, это изменение связано с оценкой из Петрограда положения дел в Финляндии.

Наиболее емкую характеристику дал А. П. Капнист в разговоре по прямому проводу с А. И. Непениным около 23 ч. 30 мин., сообщив, что в Петрограде говорят о «сильном возбуждении» против Ф. А. Зейна и председателя хозяйственного департамента Сената М. М. Боровитинова в Финляндии. В столице полагали, что местное население может выступить в ближайшее время против них, а первым шагом станет забастовка железнодорожников²².

Однако в Великом княжестве общественно-политическая обстановка была в это время спокойной, а железная дорога функционировала вполне исправно. Представляют интерес показания, снятые с нижних чинов, прибывших из Петрограда 28 февраля. Нами были обнаружены рассказы двух групп военных моряков с линейного корабля «Полтава» об их пути в Гельсингфорс. В первую группу входили комендоры Ю. Климук и Г. Корнилов, которые пытались уехать из столицы в Финляндию около полудня 27 февраля. Сделать это им не удалось, т. к. в это время вокзал был занят толпой, и движение поездов было прервано. Они отправились по железнодорожным путям. Поздно вечером, по-видимому, уже после распоряжения Ф. А. Зейна, им удалось сесть на станции «Удельная» на товарный поезд до Выборга. Оттуда они беспрепятственно добрались в Гельсингфорс²³. Кочегар I статьи П. Я. Моисеев прибыл в Петроград на Николаевский вокзал около 9 часов утра. Затем он сумел добраться до Финляндского вокзала, но уехать оттуда не представлялось возможным. Тогда П. Я. Моисеев пешком добрался до Белоострова к 22 часам, отправившись отсюда на поезде в Гельсингфорс²⁴. Также 28 февраля и 1 марта из Петрограда в Гельсингфорс прибыли кочегарный унтер-офицер Лящук и кочегар II статьи Скворцов с миноносца «Лихой», причем также без значительных затруднений добравшиеся до Белоострова, а оттуда — к месту службы²⁵. Информация, сообщенная нижними чинами, также не дает оснований утверждать и о перебоях в работе железной дороги на территории самой Финляндии.

Каким образом сложилось это мнение в столице, и откуда оно исходило? Если рассматривать мотивы, то основным проявлением «неблагонадежности» финляндского генерал-губернатора считалось, по-видимому, прекращение железнодорожного сообщения с Петроградом. Однако есть еще одно обстоятельство, о котором сообщил Д. Л. Казанцев. 1 марта, по его словам, генерал-губернатор отправил в Псков «телеграмму с выражением верноподданных чувств государю императору от войск и населения Финляндии», которая стала известна в Таврическом дворце²⁶. Однако эти мотивы не дают возможности определить источник ин-

формации об упомянутом А. П. Капнистом «возбуждении» против представителей царской администрации. Представляется, что это мнение было либо вымышленным для оправдания решения о смене российских властей в Великом княжестве, либо основывалось на контактах с теми, кто был заинтересован в смене генерал-губернатора и намеренно искажал информацию, либо в завуалированной форме шантажировал ВКГД.

Основным сторонником этой точки зрения А. Б. Николаев, единственный затронувший проблему, счел Ф. И. Родичева. Аргументом служили уже упоминавшиеся переговоры А. П. Капниста с А. И. Непениным. Однако активную роль в событиях этих дней играл также и Н. В. Некрасов, взявший на себя вопросы охраны революционной столицы. А. Б. Николаев привел целый ряд примеров, подтверждающих его роль²⁷. К тому же вопросы, связанные с железнодорожным сообщением, были профессиональной сферой Н. В. Некрасова. Именно он, закончив Санкт-Петербургский институт путей сообщения и неоднократно выступая в Думе по этим вопросам, мог воспринимать действия Ф. А. Зейна как борьбу с революцией в Петрограде. Ф. И. Родичев же, вспоминая впоследствии события тех дней, считал саму возможность восстания в Финляндии маловероятной, т. к. это «было бы не похоже на финнов»²⁸. Немаловажной представляется и позиция Д. Д. Протопопова, не чуждого проблемам Финляндии, где он отбывал в 1895–1898 гг. административную ссылку. Именно он первым связался со штабом Балтийского флота и сообщил о необходимости замены представителей высшей царской администрации.

Итак, в Гельсингфорсе флотское командование впервые об этом узнало во время переговоров по прямому проводу между капитаном II ранга В. В. Романовым и Д. Д. Протопоповым. Также помощник Ф. И. Родичева настаивал на срочном вызове в Петроград профессора Гельсингфорского университета барона С. А. Корфа. При этом он предлагал «не стесняться ночным временем» и вызвать С. А. Корфа немедленно. Разговор состоялся около 23 часов 2 марта²⁹. Однако командующий флотом, по-видимому, посчитал для себя преждевременным делать выводы на основании этой беседы.

В дальнейшем, по-видимому, из статс-секретариата связались с представителями Временного комитета Государственной думы, в частности, с Н. В. Некрасовым, отправившим телеграмму А. И. Непенину и командующему 42-м корпусом генерал-лейтенанту А. А. Гулевичу о намерении Временного правительства восстановить «нарушенные старым режимом основные законы Финляндии и провести в связи с этим скорейший созыв Сейма и образование общественного Сената»³⁰. Также было оказано воздействие на МГШ. Именно этим мы объясняем небольшой перерыв

между сообщением Д. Д. Протопопова и упоминавшимися переговорами А. П. Капниста и А. И. Непенина, последовавшими в 23 часа 30 мин.

Помимо общей характеристики создавшегося положения в этих переговорах заслуживают упоминания три момента. Во-первых, А. П. Капнист, со ссылкой уже на Ф. И. Родичева, сообщил о необходимости ареста Ф. А. Зейна и М. М. Боровитинова для их же безопасности. При этом он добавил, вероятно, намекая на то, что это пожелание носит официальный характер, что Родичев, если это необходимо, готов организовать отправку телеграммы командующему от имени главы Временного правительства князя Г. Е. Львова³¹. Во-вторых, сам А. И. Непенин, соглашаясь на эту меру и даже говоря, что генерал-губернатора и председателя Хозяйственного департамента должна постигнуть одинаковая судьба, т. к. их «черт связал веревочкой», видел ситуацию в Финляндии по-иному. В частности, он высказывал опасение, что «резкое возвращение порядков управления Финляндией <...> прибавит лишь волнение и беспокойство в сравнительно спокойной стране»³². Можно согласиться с выводом А. В. Смолина, что знакомство думцев с финляндскими делами было «очень приблизительным»³³. И, наконец, в-третьих, в обнаруженной копии этого разговора, отложившейся в другом архивном деле, найдено дополнение, свидетельствующее в пользу версии, что источником информации для думцев были сторонники смены власти в Финляндии. А. П. Капнист упомянул, что «финляндцы также настаивают[,] и, по-видимому, правительство будет также требовать устранения русских сенаторов [из Финляндского сената. — Д. Б.] [с] заменой их финляндцами»³⁴.

В 3 часов 42 мин. 3 марта за подписью Н. В. Некрасова в штабе флота было получено новое распоряжение, по сути, дублировавшее предложение Д. Д. Протопопова. Вместе с Ф. А. Зейном аресту должен был подвергнуться и М. М. Боровитинов, которых предписывалось разместить «на одном из броненосцев эскадры». В дальнейшем Н. В. Некрасов указывал на необходимость «войти в сношения [с] вождями партий Финляндского сейма по вопросу о немедленном созыве сейма и образовании общественного Сената»³⁵. Это означало, что контакты русских официальных военных властей края и представителей финляндской политической элиты были санкционированы официально.

Распоряжение Н. В. Некрасова командующий флотом оперативно выполнил. Уже в 6 часов 20 мин. из штаба флота передали в Петроград телеграмму на имя М. В. Родзянко: «Генерал Зейн и камергер Боровитинов арестованы и содержатся под стражей на моем флагманском корабле. Завтра будут переведены на соответствующее судно. Приказал опечатать их кабинет и приставить часовых, что исполнено». Далее А. И. Непенин сообщил, что в исполнение обязанностей генерал-губернатора он при-

казал вступить сенатору А. И. Липскому, а заменить М. М. Боровитинова — вице-адмиралу А. А. Вирениусу. На утро командующий предполагал встретиться с лидерами партий, представленных в Сейме³⁶.

В декабре 1915 г. Финляндский сейм был распущен. Новый Сейм, выборы которого прошли 1–3 июля 1916 г., получил прозвище «красный». Это было связано с победой Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ), набравшей более 47% голосов и получившей 103 места из 200. 33 места получили представители Финской партии (часто называемой Старофиннской), 23 — Младофиннской, 21 — Шведской и 19 — Аграрного союза³⁷.

Установить полностью состав присутствовавших депутатов Сейма на сегодняшний день не удалось. Известно, что на встрече, состоявшейся около 17 часов 3 марта, были О. Токой, К. Каллио, Л. Эрнрут, Р. Холсти, Ю. Паасикиви. Также был приглашен не попавший в Сейм, но пользовавшийся авторитетом К. Стольберг³⁸. О значении, которое придавалось беседе, свидетельствует тот факт, что командующий флотом, несмотря на рост напряженности среди русских воинских частей в Гельсингфорсе, обусловленный задержкой информации об отречении Николая II, все же нашел время провести ее. Показательно также, что сообщение об этом было отправлено в Петроград в 20 часов, следом за двумя телеграммами о начале бунта среди экипажей. По-видимому, вице-адмирал А. И. Непенин сообщил о произошедших изменениях в столице и о планах нового правительства. В ответ он, по его словам, получил заверения К. Стольберга, что депутаты сейма и руководство партий «постараются поддержать порядок»³⁹.

Неизвестно, кто был автором инициативы, но после этой встречи финляндские депутаты быстро собрали делегацию в Петроград. Она выехала в столицу вечером 3 марта⁴⁰. По-видимому, они ехали тем же поездом, что и арестованные Ф. А. Зейн и М. М. Боровитинов, которые под охраной начальника шифровального отдела МГШ капитана II ранга В. В. Романова и четырех матросов были отправлены в специальном вагоне. Сообщение об этом А. И. Непенин отправил в столицу в 20 часов 20 мин., т. е. в разгар кровопролития на крупных кораблях Гельсингфорсской военно-морской базы⁴¹. Отъезд делегации выглядит достаточно странно, если принять во внимание, что ставший комиссаром по делам Финляндии Ф. И. Родичев ожидался командующим флотом в течение всего 3 марта в Гельсингфорсе. Фактически он выехал туда в ночь на 4 марта⁴². Однако стоит принять во внимание отсутствие точной информации по этому вопросу, а также расчет депутатов на прямые встречи с членами правительства.

В результате сложилась ситуация, когда контакты финляндских парламентариев и представителей русских официальных властей шли в Петрограде и Гельсингфорсе. В Петрограде делегаты встретились 4 марта

с Д. Д. Протопоповым. В тот же день на заседании правительства было принято принципиальное решение «отменить действие закона 17 июня 1910 г., поручив министру-председателю представить проект соответствующего указа»⁴³. Получив это известие, депутаты отправили запрос о своих дальнейших действиях. В тот же день они получили разрешение возвращаться⁴⁴. Однако тогда по неизвестным причинам этого сделано не было. Возможно, что депутаты вели дальнейшие консультации с Д. Д. Протопоповым по формулировкам и ожидали документального подтверждения решения правительства. 7 марта была опубликована правительственная декларация, более известная как «Акт об утверждении конституции Великого княжества Финляндского и применении ее в полном объеме»⁴⁵. В тот же день генерал-губернатором был назначен М. А. Стахович, а его товарищем — барон С. А. Корф. Была также подтверждена отставка А. И. Липского, директора канцелярии финляндского генерал-губернатора Н. Н. Горлова и чиновников особых поручений А. Н. Мясоедова и М. Ф. Ганскау⁴⁶. По сути, эти меры открывали возможности для изменений состава и роли Сената, т. е. произошло то, о чем говорил 2 марта А. П. Капнист. В этих условиях 8 марта представителям Сейма было повторно рекомендовано возвратиться, т. к. основной центр политических событий Финляндии опять оказывался в Гельсингфорсе. Вернуться предписывалось О. Токою, Л. Эрнруту, Р. Холсти, В. Таннеру. Делегацию должны были представлять Э. Гюллинг, Л. Холстен и К. Вийк⁴⁷.

В Гельсингфорсе 5–7 марта прошли встречи Ф. И. Родичева с К. Стольбергом и М. Туркия. На них присутствовал и новый командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. С. Максимов. Так как полномочия Ф. И. Родичева, ввиду работы по отмене ограничительного законодательства Д. Д. Протопопова, финской делегации и Временного правительства в Петрограде, выглядели несколько декоративно, то основным вопросом, который там затрагивался, стало восстановление финских войск. Эта идея, несколько раз поднимавшаяся в период войны, нашла отклик у Ф. И. Родичева. Он и А. С. Максимов отправили телеграмму в Петроград с предложением принять предложение, полагая, что эта мера «высоко полезная для обороны [и] привяжет финнов к России»⁴⁸. Однако в Петрограде на это смотрели сдержанно, о чем 7 марта от имени правительства Родичева проинформировал Д. Д. Протопопов, отметив: «Вопрос [о] финляндских частях вряд ли можно поднимать теперь[,] князь Львов того же мнения»⁴⁹. Назначение М. А. Стаховича делало излишним присутствие Ф. И. Родичева в Гельсингфорсе, и переговоры прервались. В то же время финляндскими политиками был поднят еще один вопрос, обсуждение которого станет существенным в контактах с новой российской администрацией в Финляндии уже весной 1917 г.

Таким образом, контакты русских военных и новых гражданских властей с представителями финляндской политической элиты в лице депутатов Сейма были санкционированы из Петрограда в ночь со 2 на 3 марта. Это было связано с ошибочным представлением в столице об общественно-политической обстановке на территории Великого княжества. Вопрос об источниках информации о положении дел в Финляндии остается открытым. Не исключено, что это представление формировалось через неофициальные контакты представителей финляндских политических кругов с думскими деятелями. Во всяком случае, оно соответствовало их пожеланиям.

Выразителями точки зрения, что гарантией спокойствия может стать полная смена гражданской власти в Гельсингфорсе, были товарищ комиссара Временного комитета Государственной думы в статс-секретариате по делам Финляндии Д. Д. Протопопов, член ВКГД и Временного правительства Н. В. Некрасов, а также, отчасти, комиссар по делам Финляндии Ф. И. Родичев. В этих условиях для них опора на влиятельных представителей Сейма и политических деятелей Финляндии представлялась гарантией спокойствия населения. В свою очередь, финляндские депутаты рассчитывали донести основные пожелания по реформированию системы управления Великим княжеством в пользу возвращения прав автономии.

Получив 3 марта на встрече с командующим Балтийским флотом вице-адмиралом А. И. Непениным информацию об аресте верхушки имперской администрации, а также об изменениях в органах власти в Петрограде, депутаты отправили на переговоры делегацию, куда вошли представители от основных партий, представленных в Сейме. Именно эти представители, приехав в столицу, прямо или косвенно повлияли на подготовку текста «Акта об утверждении конституции Великого княжества Финляндского и применении ее в полном объеме» от 7 марта. Этот документ впервые обозначил новые реалии политического существования Финляндии.

В то же время в Гельсингфорсе велись переговоры представителей политической элиты с комиссаром по делам Финляндии Ф. И. Родичевым. На них были подняты другие актуальные проблемы, в том числе вопрос о восстановлении регулярных финских войск. Однако после известия о назначении нового генерал-губернатора эти переговоры потеряли значение. Главным итогом этих дней следует считать проведение подготовительной работы по реформе статуса Финляндии и установление круга вопросов для дальнейшего обсуждения. И важнейшую роль в этом процессе сыграло взаимодействие между депутатами Сейма и представителями ВКГД.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Торнийнен Э.* Рабочая революция в Финляндии. М. — Пг., 1919.; Финляндская революция. Сборник статей. М., 1920; *Смирнов В. М.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933; *Киуру М. Х.* Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г.: из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск, 1965.

² *Сюкиайнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962; *Дусаев Р. Н.* Образование независимого Финляндского государства // Вестник ЛГУ. 1975. Вып. 1. № 5. С. 88–95.

³ *Ошеров Е. Б., Суни Л. В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986; *Соломещ И. М.* Финляндская политика в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) Петрозаводск, 1992; *Новикова И. Н.* Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX вв.). М., 1997. С. 5–17.

⁴ *Черняев В. Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России. Партии, массы, власть. СПб., 1994. С. 308–323; *Чистиков А. Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Россией // Интервенция на Северо-западе России 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 159–174; *Старцев В. И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 г. // Россия и Финляндия в XX в. СПб., 1997. С. 6–32.

⁵ *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917–1920. Osa I. Helmikuu 1917 — Toukokuu 1918. Porvoo-Helsinki, 1967; *Jussila O.* Venäläinen Suomi. Porvoo-Helsinki-Juva, 1983; *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997; *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 564–570.

⁶ *Кетولا Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45; *Вихавайнен Т.* От февральского манифеста к Освободительной войне // Два лика России. Сб. ст. / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2007. С. 151–163.

⁷ *Tuynilä M.* Senaatti: Tutkimus hallituskonselji-senaatista 1809–1918. Helsinki, 1992; *Torvinen T.* Autonomian ajan senaatti: Itsenäistymisen ja valtiomuototaistelun aika 1917–1919 // Valtioneuvoston historia 1917–1966. Helsinki, 1977. Osa I. S. 119–127.

⁸ *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны (далее — «Финская карта» в немецком пасьянсе). СПб., 2002. С. 136–137; *Новикова И. Н.* От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 108–109.

⁹ *Витухновская-Кауппала М.* Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель — ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 117–131; *Дусаева М. Р., Дусаев Р. Н., Сюнберг К.* Изменения в Сенате Финляндии под влиянием Февральской революции в России // Альманах североамериканских и балтийских исследований. 2017. Вып. 2. С. 313–323.

¹⁰ *Власов Л. В.* Междоусобная война в Финляндии на фоне революционных событий 1918 года. СПб., 2009. С. 28.

¹¹ Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. (далее — Два адмирала). СПб., 2012.

¹² Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года (далее — Думская революция). СПб., 2017. Т. 1. С. 530–531, 546–569.

¹³ Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁴ Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. С. 54.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 101–117.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 54.

²⁰ Николаев А. Б. Думская революция. Т. 1. С. 460.

²¹ Rodichev F. I. *Vospominania I ocherki o russkom liberalisme*. Newtonville, 1983. P. 104.

²² РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 об.

²³ Там же. Л. 106–106 об.

²⁴ Там же. Л. 105.

²⁵ Там же. Л. 110–112.

²⁶ Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 59.

²⁷ Николаев А. Б. Думская революция. Т. 1. С. 533.

²⁸ Rodichev F. I. *Vospominania I ocherki o russkom liberalisme*. P. 108.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 62.

³⁰ Там же. Л. 70.

³¹ Там же. Л. 71.

³² Там же. Л. 72; Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 168.

³³ Смолин А. В. Два адмирала. С. 77.

³⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 114. Л. 85–86.

³⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

³⁶ Там же. Л. 29.

³⁷ Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 115–117, 119; Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. С. 137.

³⁸ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 90.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. С. 136; Новикова И. Н. От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 году. С. 108; Витухновская-Кауппала М. Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель — ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты. С. 119–120.

⁴¹ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 94; Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 206.

⁴² См. подробн.: Бажанов Д. А. Процесс создания органов революционной власти в Гельсингфорсе 2–4 марта 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2018. С. 75–77, 80.

⁴³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1: Март-апрель 1917 года. М., 2001. С. 48–49.

⁴⁴ РГАМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 151.

⁴⁵ Вестник Временного правительства. 1917. № 3. 8 марта.

⁴⁶ РГАМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 200; *Polvinen T. Venajan vallankumous ja Suomi, 1917–1920. S. 24; Витухновская-Кауппала М.* Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель — ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты. С. 120.

⁴⁷ РГАМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 114. Л. 25.

⁴⁸ Там же. Д. 538. Л. 191.

⁴⁹ Там же. Д. 113. Л. 200.

ЛИТЕРАТУРА

Бажанов Д. А. Процесс создания органов революционной власти в Гельсингфорсе 2–4 марта 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб.: Элексис, 2018. С. 72–84.

Витухновская-Кауппала М. Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель — ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 117–131.

Дусаева М. Р., Дусаев Р. Н., Сюнберг К. Изменения в Сенате Финляндии под влиянием Февральской революции в России // Альманах североευропейских и балтийских исследований. 2017. Вып. 2. С. 313–323.

Кеттола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45.

Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 592 стр.

Новикова И. Н. От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 107–127.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. 300 стр.

Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 200 стр.

Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России. Партии, массы, власть. СПб.: Глагол, 1994. С. 308–323.

Polvinen T. Venajan vallankumous ja Suomi. O. I. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtio, 1967. 323 S.